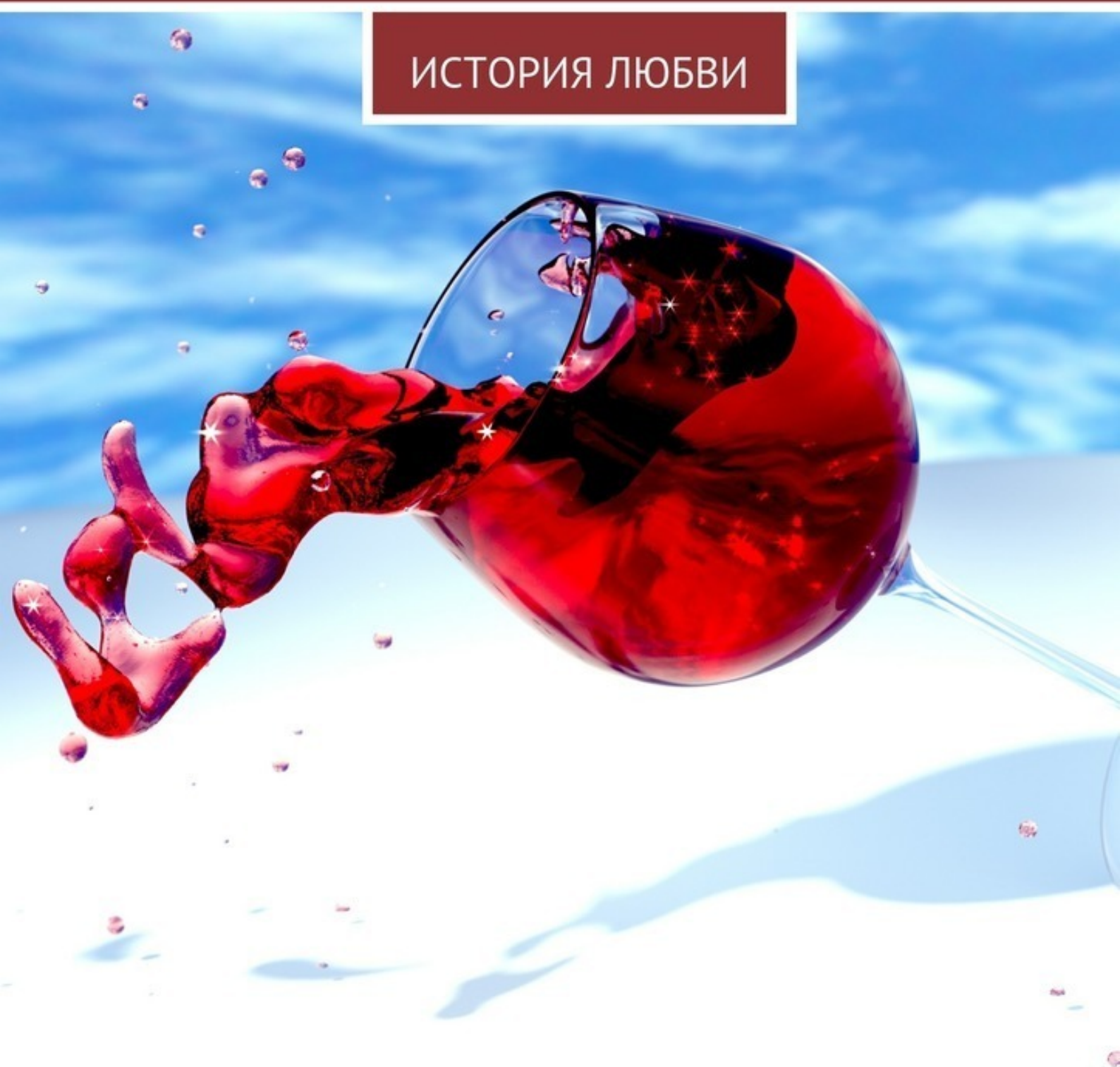

СТАНИСЛАВ МАЛЬЦЕВ

Вика-Викуля

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Станислав Мальцев

Вика-Викуля. История любви

«Издательские решения»

Мальцев С.

Вика-Викуля. История любви / С. Мальцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855028-7

Вика вышла замуж по расчёту, без любви, за богатого бизнесмена Пупышова, живёт с ним плохо, скучно. Но вот она встречается с Пташкой — учителем географии Воробьёвым, у них начинается любовь. Но если для него это большое, искреннее чувство, то для неё лёгкое увлечение. Сын Пупышова от первого брака наркоман Эдька из-за денег убивает отца, и Вика становится наследницей. Она зовёт Пташку уехать с ней во Францию, тот отказывается, и она уезжает одна. Там понимает, что любит Воробьёва, но уже поздно...

ISBN 978-5-44-855028-7

© Мальцев С.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вика-Викуля История любви

Станислав Мальцев

© Станислав Мальцев, 2017

ISBN 978-5-4485-5028-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это рассказ о несчастной, несостоявшейся любви учителя Воробьёва, по прозвищу «Пташка» и Вики, жены бизнесмена Пупышова. Они встретились случайно, их любовь вспыхнула и погасла. Вика не хочет порвать с мужем и стать женой Воробьёва, её устраивает положение любовницы. Но он не может её делить с Пупышовым.

Сын Пупышова от первого брака Эдька, наркоман и алкоголик, убивает отца, Вика становится богатой наследницей, предлагает Воробьёву уехать с ней совсем во Францию, но он отказывается. Его Вика стала другой, и любовь ушла...

Автор Мальцев Станислав Владимирович, 1929 г.р., образование высшее. Детские книжки «Зайка Петя и его друзья», «Кузя Щучкин – рыжий нос», «Приключения Умнюшкина и Хитрюшкина в стране кошек», «Мы с Митяем» и другие неоднократно издавались в Средне-Уральском книжном издательстве, издательстве «Литур» /Екатеринбург/, «Тюменском издательском доме». /Есть информация в Интернете и Википедии/.

625000 Тюмень, ул. Володарского 47, кв. 52 тел. (3452) 25—70—13. E-mail vsukhor@mail.ru

Главные герои повести: Вика-Викуля вышла замуж за Пупышова по расчёту, Воробьёв встретился с ней случайно и искренне полюбил, но она не оценила его любовь.

Действие происходит в наши дни, в небольшом городе.

Глава первая

1

Анна Петровна сидела-дремала в мягком кресле в гостиной, ведь ночь уже. Спать не пошла, надо сперва выпустить девку, с ней Эдька явился позднечко, сама им открывала. Только начала видеть сон, как он выглянул из своей комнаты, осторожно осмотрелся и вышел, её любимый внучек Эдичка, светловолосый и высокий.

Короткая стрижка, взгляд серых глаз насмешливый, затёртые до белизны джинсы, носил их, не снимая, круглый год, Раньше-то ходил в коротких штанишках, глядел доверчиво и робко.

А за ним показалась длинноногая нечёсаная девка, выжженные белые волосы лежали на плечах.

– Тихо вы, окаянные, – Анна Петровна махнула рукой.

– Баб Ань, не суетись, – Эдька обернулся, сказал негромко.

– Шевели копытами типа живее!

– Исчо чаво., – девка нахальными глазами уставилась на Анну Петровну и только сейчас она разглядела её. Короткая кофтюшка с глубоким вырезом, видны почти целиком груди – неспелые мелкие яблоки, голый; живот, а в пупке... Господи! Кольцо! Зачем? Дёргают за него, чё ли?

А главное – коротенькие шорты, бывшие джинсы, спущены совсем низко, по самое не могу, едва держатся.

– Штаны-то как носишь? Срамота! Спадут ведь, задница заблестит! – не выдержала Анна Петровна и ткнула в них пальцем.

И те точно – сразу свалились до колен! вскрылись тощие бёдра, низ живота, редкие светлые волосёнки...

– Господи! Да она без трусов!

– Га-га-га! – засмеялся-обрадовался Эдька. – А зачем?

Девка подтянула штаны, смерила Анну Петровну бесстыжим взглядом.

– Обалдеть в натуре! – и медленно пошла в прихожую.

Тут он размахнулся и шлёпнул её по заду, но звук получился тихим – нечему было звенеть, ягодицы тощие. Та даже не оглянулась, исчезла за дверью.

Анна Петровна проводила её взглядом и повернулась к внуку.

– Ну, Эдька! Доиграешься! Всё отцу скажу!

В ответ он заулыбался.

– Баб Ань! Не говори, я тебя типа люблю! Конкретно!

Она только вздохнула, конечно, не скажет. Любила его тоже до невозможности, ведь вынянчила с пелёнок.

Тут за её спиной из эдькиной комнаты вышла ещё одна ночная гостья и с кроссовками в руке быстро направилась в прихожую. В отличие от первой толстоватая и коротконогая, чёрные трикотажные спортивные штаны, обрезанные до колена, туго обтягивали ягодицы-арбузы. Кофточка тоже с глубоким вырезом, груди-дыньки при каждом шаге вздрагивали и норовили вывалиться, лови, кто хочет.

Но незамеченной ей пройти не удалось, Анна Петровна услышала шаги, оглянулась и даже испугалась...

– Ой! Ещё одна! Откуда?

От этого крика девка выронила кроссовку, показала длинный язык и побежала, ещё быстрее. Эдька не растерялся, хлопнул и её по ягодице.

– Бамс! – совсем другое дело, словно лопнул туго надутый резиновый воздушный шарик.

Он изловчился, и дотянулся, шлёпнул и по второй.

– Бамс! – еще один такой же шарик лопнул.

Девка только ойкнула и, не оглядываясь, мигом скрылась за дверь.

– Га-га-га! – веселился внучек. – О чем ты, баб Ань? Тут типа никого нету!

– Как нету? Вторая девка прошла! Кого ты тогда по заднице бил?

Эдька сделал серьезное лицо.

– Тебе показалось, как бы сотрясение воздуха.

Анна Петровна рассердилась, подняла кроссовку.

– Не ври! А это чё?

Эдька отобрал кроссовку, открыл дверь и выкинул в прихожую. Там только тихо пискнули.

– Видимость, баб Ань, все типа видимость.

– Ничё себе видимость, две кобылы с голыми титьками... Откуда. они? Как хоть зовут-то? – Анна Петровна вздохнула, что ты с ним сделаешь.

Эдька задумался.

– Вроде одна Клепка, вторая – как бы Фек...

– Клички какие-то собачьи... А по-настоящему как?

– Откуда я знаю? Только вчера на тусовке встретились.

Анна Петровна так и ахнула.

– Только вчера! И сразу в дом приволок!

Эти слова почему-то развеселили Эдьку, засмеялся все так же громко!

– Га-га-га! Ты че? Телки как тёлки, конкретные... Все на месте и спереди, и сзади!

Он насмешливо глядел на глупую старуху – ниче не догоняет. Ведь всё путем. Он давно уже ни в грош её не ставил, знал, все простит, все стерпит, выгородит перед отцом. И во всю пользовался этим.

Не раз и не два поздно – с дискотеки или из ночного клуба – являлся не один, старуха всегда ждала и пускала без звука. А пустые бутылки из его комнаты тайно выбрасывала в мусоропровод. Вот и этой ночью привел Клепку, а потом, когда старуха ушла, запустил Фек и Анта.

Анна Петровна не унималась, ей все надо знать про любимого внука.

– Ну, ты и дурак! Презервативами-то хоть пользуешься?

– Баб Ань, не парься! – он поднял руку, словно собираясь закрыть ладошкой ей рот.

– Что же ты, стервец, двоих чё ли.., – она остановилась, подбирая слово. – Чё ли клепал?

– Га-га-га! – опять засмеялся Эдька. Ну, прикалывается старуха. – Там ещё Ант!

– Ещё одна? – у Анны Петровны руки-ноги задрожали.

– Ты чё? Ант – Антон из нашего класса, ты его знаешь, был у нас.

– Ант, – повторила она уже потише. – Пусть выйдет сей момент! Эдькин дружок подслушивал за дверью и сразу выскочил, такой же светловолосый и высокий, и тоже в белёсых джинсах.

– Здравствуйте, баб Аня!

Анна Петровна показала ему кулак.

– Еще один внучек вылупился! Подь отсель!

И тот мигом исчез в прихожей, а Эдька весело сказал:

– Баб Ань! Не гони волну – фигня все это!

Но Анна Петровна не успокоилась и продолжала так же сердито:

– Кашей тебя кормила, жопу подтирала, никогда не думала, что таким кобелём вырастешь, прости Господи.., – она даже мелко перекрестилась, хотя в Бога не верила и в церковь не ходила.

Эдка её совсем не слушал, улыбался своим мыслям, вспоминал, как славно было с этими новыми. Клепка вертелась, ругалась по всякому, а Фек лежала тихо, только, сопела всё громче и громче, была мягкая и удобная, словно подушка...

Он очнулся, увидел сердито глядевшую на него старуху, громко и весело произнёс загадочные слова:

– Кина не будет! Всё атлична! Бабры поехали в Бабруйск! – и пошёл в свою комнату.

Анна Петровна открыла от удивления рот, смотрела, ему вслед.

– Окстись! Какие ещё бобры?

Внучек оглянулся, ответил серьёзно:

– Те самые.

И исчез в комнате, плотно закрыл за собой дверь.

2

Летние ночи короткие, солнце уже пробивалось сквозь плотные шторы и в комнате стало совсем светло. Павел Павлович Пупышов проснулся, захотелось пить. Вчера вечером после работы с прорабами «раздавили» две бутылки беленькой, да почти без закуси, вот голова и болела, во рту пересохло.

Не спеша, встал, подошёл к столу, налил стакан боржоми, выпил залпом, и повторил. Любил эту водичку, хоть и стала дороговатой, ну, а что делать, жить-то надо, да и доктор советовал настойчиво её употреблять регулярно.

Скинул майку, было жарковато, в трусах вовсе не спал. Стоял голый, высокий, плотный, широкоплечий, но не толстый, хотя, конечно, лишний вес немного был. Грудь, живот и ниже – в густых зарослях волос, почему-то они тут стали сесть, хотя на голове не замечал ни одного белого.

Ему нравились эти заросли-джунгли, как их называл, да и не только ему. Все девки, с кем имел дело, ахали от восторга и норовили подергать. Вот только жена, Виктория Семеновна, почему-то не обращала на них особого внимания. Вот она, спит-дряхнет на соседней кровати под легкой простышкой.

Потянулся, почесал грудь, подмышками, в паху... Глядел на неё, первая жена не так давно умерла, остался сын, Эдка. Не одному же жить, и он почти сразу снова женился, взял совсем молоденькую, тоненькую девчонку – ни спереди, ни сзади ничего. Сидела в их медпункте медсестрой, копеечные бабки. Сейчас смотри, совсем другое кино. Отъелась, задница как задница, грудяшки налились, баба стала в полном порядке. Как говорится, есть за что подержаться, есть на чем глазу отдохнуть. Пока не родила ему никого и не надо, одного Эдички хватает выше крыши.

Глядел, а она перевернулась с боку на бок, простынка соскользнула, голубенькая, прозрачная короткая рубашонка-ночнушка сбилась на грудь. Открылись живот, бедра, длинные белые ноги чуть разошлись призывно.

Пупышов не то громко выдохнул воздух, не то хрюкнул, протянул руку, сдернул простынку на пол. Жена сразу, не открывая глаз, попыталась лечь на живот.

– Не вертись! – прошептал громко, схватил за плечо, перевернул на спину, навалился тяжелым телом, руками больно мят груди, придавил так, что она только охнула, только стонала тихо...

Не спеша встал, взял простынку, вытерся, сказал негромко:

– И не хрен тебе было вертеться...

Бросил простынку жене на живот и ушёл, плюхнулся на свою кровать. Мигом уснул, захрапел-засвистел.

Виктория Семеновна лежала тихо, так и не открыв глаз, слава Богу, храпит не очень сильно. Чувствовала себя распятой, все косточки болели, наверное, будут и синяки. Трахнул ее любимый муж как дешёвую шлюху...

Наконец встала, брезгливо подцепила грязную простынку двумя пальцами. В соседней ванной комнате кинула в угол, сегодня же выбросит в мусоропровод. Включила душ и долго стояла под тёплой водой... Потом легла и думала – почему? Почему стала его женой?

С ним-то всё понятно: старому кобелю захотелось молодого мясца. А она-то? Поддалась минутному увлечению? А, может, просто надоело жить по чужим углам и экономить каждую копейку? Только не просчитала все возможные последствия. А надо было – надо было хорошенько подумать. А теперь что? Куда денешься? Некуда...

Глаза были мокрыми, голова тяжелая, теперь не уснуть, а ведь еще можно поспать пару часов. Но неожиданно заснула быстро и спала спокойно!

3

Вся моя печальная, и даже трагическая, история началась в веселый весенний день, по иронии судьбы в день моего рождения. Я его давно не отмечаю, почти забыл, и никто о нём не знает.

Я шёл по небольшому скверу возле дома и радовался. Весна! Весна! Первая зелёная травка на газонах, почки на кустах набухли – скоро проклюнутся листочки. Земля на клумбах черная, но вот-вот её вскопают и высадят уже готовые цветы из теплицы. Посидеть бы на лавочке хоть немного, но некогда – спешу на работу, я ведь теперь сантехник в жилищной конторе.

Вошёл в маленькую комнатку диспетчеров, тетя Маша, ехидно улыбаясь, подала мне заявку. И сказала тихим, тоненьким, каким-то змеиным голосом:

– Вот, Петр Сергеич, она легонькая, как раз для тебя.

Я глянул – ремонт бачка унитаза, Заозёрная 16, квартира 5, Пупышев. Ничего себе легонькая! Хуже не придумаешь, это же так далеко.

Но отказать не мог – новичок, взял бумажку, и, как ни в чем не бывало, тоже негромко и ласково ответил:

– Спасибо большое, Мария Федоровна, за заботу, – назвать ее, как все, тетей Машей, ещё не решался.

Заозёрная улица – на окраине города, рядом с берёзовой рощей. Там стоят большие, как теперь говорят, элитные дома. Живут в них богатые новые русские да высокооплачиваемые чиновники разных расплодившихся, как грибы после дождя, контор.

Наши сантехники избегали ходить туда, отталкивались от таких заявок всеми силами, как могли, вплоть до угрозы уволиться. Гонору у тех жильцов было предостаточно – ни здравствуй, ни прощай. Стоят над душой, следят за каждым шагом, требуют, чтобы все было вылизано. И копейки никто не даст.

Все это узнал из разговоров в курилке, сам ещё в таких драмах не работал, хотя в нашей конторе уже почти месяц.

Но я немного отвлекся. Так вот, сунул заявку в карман и поплелся на автобус. Ехать туда полчаса, да еще пешком идти. Сидел у окошка и думал, как же так вышло, что после окончания университета стал сантехником?

Да, да, из учителей в сантехники. И в этом нет ничего удивительного для тех, кто знает, сколько платят молодому учителю без стажа и разных надбавок. Хорошо, что еще до учёбы научился все краны чинить и трубы продувать не только в своей квартире, но и у соседей.

С такими невесёлыми мыслями ехал на эту Заозёрную, на душе было грустно и пусто. И предположить не мог, что меня там ждет. А случилось тогда то, что перевернуло всю мою жизнь...

4

Павел Павлович Пупышов в богатом темно-красном вельветовом халате, сидел в широком мягком кресле. Рядом, возле журнального столика, стояло ещё одно.

Любил работать тут, в гостиной, хотя рядом был большой кабинет с компьютерами, принтерами и факсами. Раньше ничего такого не было, и жили неплохо, теперь же без них ни шагу.

Пупышов находился в самом расцвете сил и карьеры, владелец самой крупной и успешной в городе строительной фирмы «Супер-строй», миллионер. Конкуренты называли её по другому – «Лапоть-строй», а его банкир – «Пуп». Он был председателем совета директоров одного из банков, не самого большого, но и не маленького.

Сейчас довольно думал о своей весьма выгодной сделке: удалось купить за бесценок бывшую фабрику модельной обуви. Само здание – древняя развалюха – даром не нужно. Но земля, земля под ним золотая. Конечно, пришлось кой-кому «подарить» толстый конвертик, вспомнил о нём и вздохнул...

Построит на этом месте элитный жилой комплекс, на нижних двух этажах торгово-развлекательный центр. Уже получил в своём банке кредит – почти без процентов! – а потом продаст, на каждый вложенный рубль три прибыли.

Продаст, и уедет на хрен отсюда. Во Францию, на Лазурный берег, купит там виллу, станет жить и загорать, а, может, и построит отель – класс «люкс», пять звёзд...

Сидел, глядел в окно, там, на пасмурном небе, теснились серые облака, северный ветер гнал их вдаль, а был уже не здесь: ласковое море, золотой песок, голые девки вокруг – выбирай любую, хоть пять штук, коли «бабки» имеются. Рядом – белоснежный красавец: его отель-дворец, два бассейна, три ресторана, все номера всегда нарасхват...

Тут вдруг раздались громкие дикие звуки и в комнату вошёл Эдька с балалайкой, дёргал струны и бил по ней пальцами.

– Чтоб тебя! С ума сошёл как? Полностью или частично? – Пупышов так и подскочил в кресле.

– Ты чё, па? – удивился Эдька. – В школе играл, все обалдели, девки типа уписались от смеха, ко мне целоваться полезли, в очереди стояли. А ты – с ума сошёл...

Ну, что ты с ним будешь делать, дурак дураком. Пупышов встал, сказал резко:

– Забыл, чей ты сын? Тебе нельзя на этой бандуре брякать – не солидно. Я тебе саксофон куплю, другое дело. На нём штатовский президент играл.

– На фига! Ты ещё скажи – скрипку. Тут просто, стук-бряк и все дела, конкретно. Смешно и порядок, недовольных нету. Или как бы купи мне барабан, буду стучать! – Эдька шлёпнул себя по надутому животу.

– Бум! Бум! Бум!

Павел Павлович с всё нарастающим раздражением смотрел на долговязого оболтуса. Не заметил, как за вечной суетнёй-колготнёй вырос сын. Вроде бы только вчера водил его за ручку в детсад, потом возил на машине в школу...

Вырвал из эдькиных рук балалайку, взмахнул, собираясь грохнуть об пол, тут он завопил:

– Не надо! Я больше не буду!

От крика Пупышов немного опомнился, швырнул её в угол и грузно опустился в своё кресло.

– Ещё раз увижу, разобью на хрен в щепки!

– Сейчас выброшу в мусоропровод, на фига она мне! – Эдька уже давно увидел коньяк и косил глазами на столик. Вкрадчиво спросил негромко. – Па, можно типа коньячку нюхнуть?

– Мал ещё такой коньяк нюхать, – Павел Павлович ухмыльнулся, уже успокоился, настроение менялось очень быстро. – Ладно, так и быть, я сегодня добрый, нюхни.

Эдька быстро – пока отец не передумал схватил рюмку, опрокинул в рот, и, с видом знатока, произнес громко и весело:

– Ниче! Пить можно!

Павел Павлович рассмеялся – ну, сопляк, даёт!

– Чё бы ты понимал. Рюмку выпил, считай три сотни заглотнул, а то и больше. – И спросил: – Мать встала?

Эдька ответил, хоть и не грубо, но не так, как прежде:

– Мать? Какая мать? У меня мамы нету. Про твою Вика типа ничё не знаю и знать не хочу. Она мне как бы параллельно. – И добавил: – Я и забыл, чё пришел, конкретно. Там как бы сюка звонит.

Отец удивлённо глянул на него.

– Ни хрена тебя не понял. Так звонит или нет? И какой ещё сюка?

Эдька тоже удивился.

– Чё не понятно? Охранник снизу по домофону...

– Секюрити, что ли?

– Ну! Я и толкую тебе – сюка.

– Говори нормально, чё ему надо?

– Сантехник какой-то там нарисовался к нам, пускать или нет? Вызывал как бы его?

Пупышов довольно кивнул.

Глянь на монитор, кто такой. И скажи, чтобы пустил.

Эдька схватил балалайку и исчез. Павел Павлович снова плеснул коньяк в рюмку, выпил и начал жевать конфетку. И тут вбежал сын и завопил:

– Это Пташка! Это Пташка пришёл!

От неожиданности Пупышов конфетку даже проглотил целиком, чуть не подавился, закричал на придурка:

– Ты точно меня кончишь! Какой ещё на хрен Пташка?

– Наш препод...

– С ума с тобой сойдёшь! Обрато ничего не понял, кто пришёл? Учитель или сантехник?

– Был преподом, потом куда-то делся, а теперь как сантехник. А Пташка – так у него фамилия такая, Воробьёв. Добрый был препод, типа никому двоек не лепил.

Пупышов коротко хохотнул:

– Добрый! Ха-ха! Вы ему на голову сели, вот и сбежал. Запомни, нынче добрым быть нельзя. Опасно, сожрут вместе с костями.

5

Я сидел в подъезде, ждал. Что-то долго, но не уходить же, хотя, конечно, самым правильным было бы плюнуть и исчезнуть. Наконец динамик на столе у охранника «хрюкнул»:

– Пусть заходит.

– Третий этаж, – молодой парень, пахать бы на нём, махнул рукой в сторону лифта.

Дверь открыл долговязый подросток, его сразу узнал: Эдуард, мой бывший ученик. Не думал его тут встретить.

– Здравсте, – буркнул и исчез, а я вошёл в комнату.

За журнальным столиком в кресле сидел немолодой солидный мужчина в халате, стояла бутылка, рюмки, коробка конфет. Неужели пил вместе с сыном? Я вынул бумажку.

– Добрый день, заявочка от вас, квартира Пупышева...

Он меня перебил, резко и даже зло:

– Не Пупышева. а Пупышова! Запомни навсегда!

От такого крика я сразу стушевался и промямлил еле слышно:

– Извините, так диспетчер написал.

Мужчина в кресле пристально глядел на меня. Ни здравствуй, ни прощай, обычный хам, каких много. Поскорее бы сделать всё и уйти. Вдруг он спросил:

– Был учителем, стал сантехником, давно работаешь?

Мог и промолчать, какое его дело. Но послушно ответил:

– Второй месяц.., – и начался непонятный и неприятный для меня разговор.

– Чего сбёг?

– Позвольте, почему «сбёг»? Перешёл на другую работу.

– Так и перешёл! Ха!

– А вы знаете, сколько молодому учителю платят?

– Ты теперь, понятно, больше гребёшь. Но из тебя сантехник, как из дерьма гвоздь.

– Я курсы окончил, свидетельство имею.

– Чудик ты! Думаешь, я тебе свою итальянскую красоту доверю? Мой любимый сортир?

Ну и отлично, скорее протянул ему заявку.

– Напишите отказ и вызывайте другого, а я пошёл.

Этот самый Пупышев-Пупышов, не глядя, кинул её на стол, не спеша, налил себе рюмку судя по цвету и запаху это был коньяк, и продолжал всё так же громко:

– Погодь, есть разговор. Тебе не предлагаю, дорогой, французский. Вот могу водки плеснуть...

Еще не хватало! Нужна мне его водка, да и коньяк тоже.

– Спасибо, ничего не надо.

– Ну и дурак, нынче как живём: дают – бери, бьют – беги. Понял или нет?

– Чего тут не понять, хитрость небольшая. Только дают мало, всё бегать приходится... – этот тип мне уже порядком надоел, сантехника за человека не считает, надо его проучить. Решил так и сел во второе кресло, спросил очень вежливо и негромко:

– Простите, как ваше имя-отчество?

Взглянул на меня удивлённо, ответил спокойно:

– Зачем тебе? Допустим, Павел Павлович.

– А я Пётр Сергеевич. Очень прошу впредь обращаться ко мне только так. И на «„вы“», пожалуйста. Как говорится, коров с вами вместе не пасли.

Он даже глаза немного выпучил, как у варёного караса, никак не ожидал такого от смерда. Угадал его мысли – выгнать нахала вон, но промолчал, был какой-то интерес ко мне. Если закричит или даже просто повысит голос, встану и уйду. Видел я его в гробу в белых тапочках вместе с французским коньяком.

Но кричать не стал, даже улыбнулся.

– Каких ещё на хрен коров? Чего городишь? Говори мне тоже «ты», Пал Палыч, и всё о'кей, понял? Теперь давай ближе к делу. Вот ты, Пётр Сергеевич, оболтуса, сына моего, сейчас видел, скажи, как он по географии?

Всё равно тыкает, ну и я попробую

– Должен тебя, Пал Палыч, огорчить – никак. Полный ноль. Ничего не знает, и знать не хочет.

Он даже не моргнул, проглотил моё «ты», молодец! А я решил уходить, зачем мне всё это. Только собрался встать, как вдруг кольнуло сердце. Кольнуло и защемило. Сказался наверняка наш пустой разговор, ненужное волнение.

Видно, я побледнел, так как он спросил:

– Ты чего?

– Сердце давит.., – не хотел, но ответил.

– Лечиться надо, – заметил с умным видом.

– Лечусь... Поставили в очередь на операцию, год ждать. А за деньги – хоть завтра.

Вот ведь как интересно получилось, не скажи я об этом, с дуру конечно, всё могло бы выйти совсем по другому. Точнее говоря, вообще бы ничего не было. Посидел бы ещё немного, встал и ушёл, до свиданья, будьте здоровы. Но нет, чёрт дёрнул меня за язык.

И он сразу стал меня учить:

– Так и должно быть. Рынок есть рынок, халява кончилась, господа! За всё надо платить. Гоните денежки за каждый чих! «Бабок» у тебя нету? Знаю, так они под ногами валяются, бери не хочу. Пошевели задницей, живо оформляй кредит в банке и все дела. Квартира есть в залог?

Сердце колотить перестаю и ответил тихо:

– Однокомнатная, целых двенадцать метров.

Он явно обрадовался:

– Годится! Доход у тебя теперь приличный, не учительские гроши, дадут без звука.

Тут я подумал, может, несправедлив к нему? Вдруг проявил такое участие...

– Слушай сюда! – продолжал громко и напористо. – Кредит быстро вернёшь, если не дурак. Так и быть, научу, я сегодня добрый. Ушки шире развесь: придёшь вот так, по заявке, сразу ничего не делай, не хрен торопиться. Полонка, мол, сложная, нужен специальный инструмент, завтра буду. Клиенту дай номер своего мобильного, пусть звонит не диспетчеру, а прямо тебе...

– У меня телефона нету, – вставил я.

Как он удивился!

– Да ты что, ё-моё! Из какой пещеры вылез? Купи мобилу сей момент, без неё ты не человек, понял? Дела всего там на пять минут, а ты дня два-три потяни, потом ковыряйся час, да ещё воду на пол пусти, хоть немного. Так клиент тебе любые «бабки» вынесет, да ещё спасибо скажет. Вот, держи адрес хорошего банка, – и подал карточку-«визитку». – И не хрен ждать, нынче всё надо делать быстро, а то опоздаешь, поезд уйдёт. Сразу приходи, оформляй кредит. Без очереди, сошлись на меня, я там скажу.

Карточку я, конечно, взял – надо будет подумать, и окончательно решил обратиться отсюда. Тут он, слава богу, сам об этом сказал:

– А теперь двигай до дома, сантехника я другого найду, – открыл дверь и крикнул-позвал:

– Анна Петровна!

В комнату вошла пожилая симпатичная женщина, по виду родственница или домработница, чуть улыбнулась.

– Здравствуйте, мы гостям всегда рады.

Он громко засмеялся:

– Гости, ха-ха! Это сантехник! Проводи его!

– Добрый день, – я встал слишком быстро и сердце опять кольнуло, пришлось снова сесть.

Анна Петровна испугалась.

– Вам плохо? Может, «скорую» вызвать?

– Не надо, – сказал через силу, хотя голова кружилась.

– Тогда вас домой доставим, – продолжала она. – Как раз Виктория Семёновна ехать собралась, и увезёт.

Пупышов живо подхватил:

– Вот и прекрасно! Ты, Пётр Сергеич, дома полежи, капелек попей. Меня тоже иной раз прижмёт так, корвалольчику пузырек тяпнешь, и порядок... Можно дальше бегать.

И вот тут-то случилось чудо – словно блеснул луч солнца.

В комнату вошла Она! Я замер, дыхание остановилось. Вся была светлая: белое лёгкое платье, такие же туфли на высоком тонком каблукке. Личико круглое, носик прямой, чуть курносенький, волосы немного кудрявые, золотые. И не соломенные, а темноватые, как старинная медь. Была необычная, милая, просто нет слов, чтобы описать её.

– Как себя чувствуете? – спросила негромко, И, не дожидаясь ответа, взяла мою руку, стала считать пульс. Строго сказала:

– Надо срочно расширить сосуды. Павел, налей коньяку. – Пупышов даже скривился, нехотя накапал неполную рюмку. Она молча взяла бутылку, долила её доверху. Тут у Пал Палыча хамство прорвалось.

– Ё-моё! Новое дело, коньячок-то, между прочим, французский. «Подавись ты им» – подумал я, и рюмку брать не стал.

Виктория Семёновна, это, конечно, и была жена его, скомандовала:

– Ну-ка, пить без разговоров!

Взял рюмку и выпил, сердце уже не колело, то ли от коньяка, то от одного её присутствия. Потихоньку встал с кресла.

– Спасибо большое, я пойду.

Пупышов явно обрадовался, что избавится от меня.

– Отпустило и ладненько. Гуляй тогда, потихоньку до дома, там полежишь, и всё будет о'кей.

– Нет, – возразила она. – Пешком нельзя, только на машине. – Оглянулась на Анну Петровну и та сразу подхватила меня под руку и увела. Шёл и думал: как она, такая нежная, терпит этого хама? Почему и зачем?

Как только этот чудик закрыл за собой дверь, Пупышов налил рюмку, выпил залпом, сказал громко и весело:

– Так-то лучше, только «скорой» тут не хватало. Придёт этот лох в мой банк, куда на хрен денется, а там ребята «обуют» его по полной программе. – Налил ещё рюмку, выпил. – Ну, за всё хорошее, за мой жилой комплекс здесь, и за отель во Франции. Ладно, пошёл овсянку есть, заржу скоро, как лошадь, чтоб она пропала, но здоровье беречь надо.

Встал, и от полноты чувств и от коньяка громко закричал:

– И-го-го

Ах, рано, рано радовался банкир Пуп, напрасно веселился. С этого самого дня его линия жизни тесно переплелась с жизнью чудика сантехника учителя Пташки. От этой, вроде бы, случайной встречи всё и началось-понеслось... По судьбе Пал Палыча пошла глубокая трещина...

6

Доехали мы быстро. За всю дорогу Виктория Семёновна не сказала ни слова, я тоже молчал. Вышли из машины, взяла меня за руку, повела к железной входной двери. На площадке перед спуском в подвал, сидел Борис Борисович, наш общий кот, серо-полосатый с рыжими пятнами.

– Привет, получай обед! – сказал ему и вынул из кармана специально купленный пирожок с мясом. Развернул бумагу и положил на пол, котюга его хапнул и мигом умчался.

Виктория Семёновна слушала наш разговор с улыбкой.

– Имя и отчество у него есть, а фамилия какая?

– Фамилия? – переспросил. – Надо срочно придумать. Пусть будет Пушкин. Борис Борисович Пушкин, звучит неплохо..

Она удивилась:

– Почему вдруг Пушкин?

– Потому, что пушистый.

– Нет, не годится, лучше просто Пушок.

Я, конечно сразу согласился,

– Борис Борисович Пушок, очень хорошо, даже замечательно.

Наша лестница – не дай Бог! Пыль, грязь, бумажки какие-то валяются. И, главное, подвал, там всегда стоит вода, пахнет болотом и ещё кое-чем похуже. Но она молодец, ноль вни-

мания на всё это, хотя не привыкла к такому. В её доме наверняка лестницу моют каждый день, а подвала совсем нету.

И тут я вспомнил: ёлки-палки, ё-моё! – как говорит Пал Палыч Пупышов, а моя-то комната! Стыд и позор! Но было уже поздно, пришли. Глаза опустил, сказал тихо:

– Прошу вас, только не пугайтесь, не ждал гостей...

Мы вошли, и я увидел свою берлогу её глазами. Старый продавленный диван, постель на нём кое-как: накрыта тоже старым клетчатым одеялом. Маленький письменный столик и один стул рядом. И самодельный книжный стеллаж из некрашенных досок. Книги стояли на двух полках, остальные захватило какое-то барахло: газеты, журналы, даже тарелки.

Конечно, заметила сразу всё убожество, но слова не сказала, сразу спросила:

– Как себя чувствуете, вам надо лежать. Дверь закрыли? Вдруг соседи набегут, потревожат...

Я усмехнулся, это не грозит. Ни я к ним, ни они ко мне не ходим, иногда на лестнице встречаемся, и всё.

Она села на стул, осмотрелась...

– У вас совсем неплохо. А где же телевизор? Разве нету?

– Ненавижу этот «ящик», – сказал весело. – Все эти сериалы с убийствами, словно живём в тюрьме и кругом одни уголовники. Был, отдал соседям, сначала хотел просто выбросить.

– А вечерами? – удивилась. – Что вы делаете длинными, тёмными вечерами зимой?

Я встал с дивана, подошёл к стене. Там, на гвоздях, висели, одна на другой, большие карты разных стран и крупные рисунки всяких львов, тигров и крокодилов.

– Вот! Каждый вечер путешествую в какую-то страну, сам себе рассказываю о ней, словно в классе ребятам.

И тут она просто приказала, громко и решительно:

– Тоже хочу послушать, быстро говорите как-будто сейчас вечер. Куда вы сегодня?

– В Австралию, очень интересная страна, просто замечательная.

Её карта уже висела первой, а вот зверюга не подходил – мохнатый медведь, такие там не водятся. Перебрал рисунки, нашёл кенгуру с могучими лапами, повесил и начал:

– Здесь удивительные животные, которые больше нигде не встречаются на планете. Вот, например, кенгуру, вы его, конечно, знаете.

Обрадовалась совсем по детски:

– Знаю, знаю, видела не раз в кино, мультики очень смешные.

Здорово бегает-прыгает. На животе сумка, а в ней детёныш, это удобно. Ой, простите, я перебила...

Замолчал, сразу встала, подошла к рисункам, начала их разглядывать. Сказала тихо и грустно:

– Как интересно вы живете, а я... Тоска...

Вытащила портрет гиены.

– А это кто? Такая противная!

– По-своему полезное животное, санитар леса гиена... – И тут я, наконец, решился: – Виктория Семёновна... Вика... Можно вас так буду звать?

Открою секрет, так её и звал, мысленно, конечно, с самой первой минуты, как увидел.

– Можно, и даже нужно. Виктория Семёновна – очень скучно.

Я совсем осмелел:

– А если Викуля? Вика-Викуля...

Она чуть вздрогнула: когда-то, сто лет назад, и вообще в другой жизни, её так называл молодой врач, с которым работала в больнице. Началась у них любовь, короткие встречи во время ночных дежурств. Она была, как укол сделанный неумело, – трудная и болезнен-

ная. Началась и кончилась, осталась только память о его горячих, жадных губах, да ещё боль от аборта... Но ответила почти спокойно:

– Ладно, давайте.

– Мне очень нравится, звучит прекрасно – Викуля.., – я улыбнулся. – Знаете, Вика-Викуля вы такая красивая...

Тоже улыбнулась, только грустно.

– Будет вам... – Взяла мою руку, сосчитала пульс. – Надо бы давление померять, но у вас, конечно, тонометра нету, – и подвела к дивану. – Раздевайтесь и ложитесь по-настоящему. – Быстро, я и слова сказать не успел, сняла с меня пиджак, расстегнула рубашку. – Слушайте меня, я ведь медсестра, хоть и бывшая.

Сел стащил рубашку, а она продолжала:

– И брюки! Брюки тоже!

Отвернулась, не скрою, мне была приятна такая забота, был просто счастлив. Сдёрнул штаны, забрался под одеяло и отрапортовал:

– Готов как юный пионер!

Посмотрела, лукаво улыбнулась.

– Молодец! Сейчас лекарство дам, – и вытащила из своей сумки плоскую фляжку, отвинтила крышку-пробку, я почувствовал запах коньяка.

Поднесла фляжку к моему рту.

– Расширим сосуды, пейте без разговоров.

Я глотнул с удовольствием, из её ручек хоть керосин.

Забрала и тоже отпила, один второй глоток, и спросила негромко:

– Скажите, Пётр Сергеевич, почему вы не женились?

Удивился, задумался, сам не знаю...

Вика продолжала, уже громко:

– Не надо спешить, не надо! Я вот замуж выскочила, заторопилась, дура! Дура круглая! Сейчас не живу, а маюсь. Старуха, змея подколодная, следит за мной, всё Павлу докладывает. Вот кто на гиену похож!

Сел на диване, попробовал возразить

– А мне показалось, что симпатичная женщина.

Толкнула меня в плечо, пришлось снова лечь, и сказала так же зло:

– И Эдьку этого ненавижу. Вином от него пахнет, наркотики глотает в ночном клубе. Девки какие-то возле вьются, противно даже говорить... На улице за спиной слышу: её муж банкир Пуп... Пуп! Думаете приятно?

Попытался было успокоить, даже улыбнулся. Улыбочка, правда, получилась кривоватая.

– Не волнуйтесь, это у вас давление поднимется.

Вика не слушала.

– Пуп! С ума сойти! А я кто выходит – Пупша? Упасть и не встать! Если бы я была твоей женой, тогда кто? Воробьяха! Просто конец света, смехота кругом... Давай ещё по глоточку...

Взяла фляжку и подала мне.

– Пей, а я позвоню, отмечусь.

Фляжку взял, но пробку отвинчивать не стал, а она вынула из сумки мобильник, набрала номер.

– Павел, это я. Икру купила, едва нашла в стекле. Сёмга плохая и салями тоже, ладно, поищу... – сказала и кинула телефон на стол.

– Вот и весь наш разговор, велел не мешать, отключился на полуслове.

7

Села со мной рядом, оглянулась.

– У тебя никакой музыки нету?

– Есть, – вскочил, и, как был только в майке и трусах, подошел к окну. Там стоял старенький, деревянный ещё, проигрыватель, включил его, а где же пластинки?

– Ну-ка, ну-ка, вылезайте, – с этими словами разобрал кучу газет, нашел под ними свою любимую пластинку – «Токаты» Баха, поставил, и в комнате торжественно и мощно зазвучал орган.

Вика слушала, минуту, не больше, потом засмеялась.

– Выключай! Музыка хорошая, но сейчас, малость, не подходит.

Я снял звукосниматель, орган умолк. Она из сумки вытащила не то магнитофон, не то плеер, – в этом не разбираюсь, – и посмотрела мне прямо в глаза. Пристальным, и даже, словно, гипнотизирующим взглядом.

– Ты только слушайся меня и всё будет хорошо, о'кей, как говорит мой горячо любимый муж. Сейчас другую музычку для настроения послушаем.

Включила свой аппарат и громко загремела, забила ритмичная мелодия. С удивлением, и даже испугом, увидел – Вика начала медленно танцевать, высоко поднимая руки, качая головой и вращая нижней частью тела. Смотрел, ничего не понимал, и вдруг она расстегнула пуговицы и быстро сбросила кофточку.

Я молчал, Вика-Викуля продолжала танцевать, вот уже и юбка упала на пол. Белые стройные ноги, белые руки над головой... Взглянула с усмешкой на меня.

– Мы с тобой уже не дети, всё знаем.

Смотрел и смотрел на неё, не мог отвести взгляд, так она была прелестна и очаровательна.

Вот и лифчик слетел к ногам, выскочили на свободу белоснежные диковинные плоды с алыми ягодками-вишенками, как в волшебной арабской сказке, она продолжала танцевать, теперь остались только голубенькие кружевные трусики. Мгновение – и нет их, как ветерок сдунул. Сразу нестерпимо яркий свет ударил мне в глаза, ударил и ослепил.

Вскочил, словно хотел бежать куда-то, и замер: Вика-Викуля стояла передо мной – нагая и прекрасная...

– Возьми меня..., – еле слышный шепот заглушил музыку и прозвучал в ушах как удары колокола...

Мои руки сами обняли её, и мы упали на диван. Грудь у Вики была мягкая, вся она оказалась сладкая, как мёд, и горячая..., словно только что вынутый из печи пирог, целовал и целовал её везде без конца, обхватила меня за плечи и тихо стонала.

Ничего не думая, ничего не понимал, тело действовало отдельно от моего сознания, подчинялось каким-то своим, более важным законам. Вошёл в неё. Вика застонала громче, чуть не кричала, ещё крепче сжала мои плечи, небывалые радость и счастье наполнили меня целиком, продолжал целовать и целовать её, не мог остановиться...

Мы молча лежали рядом. Мой Петя-Петушок – как в далёком и прекрасном детстве его называла мама – обессиленный, и едва живой валялся кверху лапками...

Я хотел, чтобы Вика оставалась подольше, даже не уходила бы совсем, но она сбросила простынь.

– погоди, не торопись, – жалобно попросил.

– Пора, – повторила, – там старуха меня караулит, – села, сладко потянулась.

И тут... Тут меня словно кто-то огрел кнутом. Петя-Петушок мой резво вскочил, запрыгнул на забор и громко закукарекал...

– Не пуцу! – схватил её, Вика и не пыталась сопротивляться, тихо ойкнула...

Потом сразу встала, начала быстро одеваться.

– Завтра приду в это же время, – весело сказала, поцеловала меня и исчезла.

А я лежал на диване и думал: было всё это на самом деле, или только приснилось, пригрезилось. Было! Было! Вот смятые простыни, вот подушка пахнет её духами. За что мне, неудачнику, это счастье – любовь такая...

8

Виктория Семёновна заехала в первый попавшийся магазинчик, купила там что попало, в кухне выложила на стол.

Анна Петровна придирчиво осмотрела банки с икрой, понюхала салями, разрежала лимон, недовольно сказала:

– Где тебя лешак носил полдня? Лимоны взяла плохие, толстокожие, – и всё аккуратно сложила-убрала в холодильник.

– В ЦУМе была на показе мод, – Виктория Семеновна поскорее ушла из кухни. Ворчание старухи не повлияло на настроение, привыкла уже. Его, как всегда испортил Эдька. Вначале она не раз пыталась найти с пасынком хоть какой-то общий язык, потом бросила – бесполезно. Эдька её не признавал и ни в грош не ставил.

Вот и сейчас из его комнаты доносились какие-то кошмарные звуки, что-то громко стучало и звенело. Открыла дверь, он сидел на стуле, положив ноги на другой, держал на животе балалайку и нещадно рвал-дергал струны, ожесточённо бил, как по барабану.

Эдька глянул на неё волком, махнул рукой. Поскорее ушла в ванную комнату, пустила воду по сильнее, задвинула защёлку, чтобы старуха вдруг не явилась. Звук бегущей воды немного успокоил, но, всё равно, от прежней радости уже не осталось и следа. Медленно разделась, взяла трусики и прижала к лицу тогда, дома у Воробьёва, вытерлась ими и они сохранили запах их любви.

Сделала воду очень теплой, почти горячей, – это всегда помогало, легла и закрыла глаза. Кровь сразу отлила от головы, та перестала болеть. Лежала и вспоминала неуклюжего, но такого милого, чудака-учителя. Как смешно он сразу влюбился, какие у него оказались сильные руки, как славно сделал её, да ещё два раза подряд никак не ожидала.

Лежала в постепенно остывающей воде, нежилась, хорошее настроение быстро вернулось, Совсем не думала, не гадала что дальше? Будь что будет, всё само собой как-то образуются, как говорится, всё к лучшему в этом лучшем из миров...

Глава вторая

1

Пупышов сидел возле журнального столика, просматривал документы. В дверь негромко стукнули, поморщился: ведь запретил всем ему мешать, когда занят.

– Заходи, кто там?

Вошла жена лицо красное. Чем-то взволнована, чем-чем известно – опять Эдичка.. И угадал, заговорила, голос дрожал:

– Я так больше не могу! Нет и еще раз – нет! Что же это? Он мне хамит постоянно!

Павел Павлович только вздохнул, опять какая-нибудь чушня-хрень... Как ему все это надоело!

– Что снова случилось? Говори быстро, некогда мне!

Виктория Семеновна открыла было рот, но тут зазвонил телефон на столике. Пупышов схватил трубку махнул рукой, чтобы замолчала.

– Слушаю вас, да я. Что?! – и даже привстал с кресла, но сразу шлёпнулся обратно. – Не может быть! Так, така, понял, спасибо...

Зло кинул мобильник на стол, не обращая внимания на жену, выругался по-черному матом, она чуть не убежала.

– Ну и сволочь этот Сергеев, не добил я его в свое время, а ведь мог! Ну, гад ползучий! Задавил бы своими руками!

Виктория Семеновна поняла, случилось что-то серьёзное, стало не до Эдьки, Пришлось спросить, проявить интерес, хотя никогда в дела мужа не вникала.

– Чего ты так? Вроде бы друг-приятель...

– Сволочь последняя, мать его... – кричал Пупышов, отводя душу. – Только что узнал от верного человека, хочет землю и фабрику у меня оттяпать!

– Ты же говорил, недавно купил ее.

– Купил и деньги уплатил. А он заход сделал к мэру, пообещал там автостоянку построить, дескать городу нужнее, чем ещё один торговый центр.

Тут она поступила очень опрометчиво, сказала совсем не то:

– Конечно, нужнее, пройти нельзя, все тротуары машинами заставлены. А торговля... Так у нас уже на каждого жителя по магазину.

Пупышов вскочил, заорал на неё ещё злее:

– Хрень несёшь! Болтаешь, ни черта не знаешь! – подошёл к серванту, открыл бар, налил и махом выпил рюмку водки. Продолжая кричать, даже лицо покраснело.

– Меня голыми руками не возьмёшь, мэру скажу – построю рядом с жилым комплексом большую автостоянку, домину в десять этажей!

Прокричался, вроде немного успокоился, но, всё равно лучше было бы уйти, отложить разговор. Но Виктория Семёновна рискнула.

– Послушай же дело серьёзное. Деньги у меня из сумочки пропали.

– Он взял? Ты видела?

– Кто же ещё?

– Кто-кто... – Хрен в пальто! Не видала и молчи!

– Могут быть большие проблемы.., – попыталась вставить.

И напрасно опять муж закричал:

– Не будут. Вытащу его из любого дерьма. У меня везде свои люди! Запомни, больше повторять не стану, ты не насадка, он не цыплёнок. Пусть растёт настоящим мужиком, настоящим мачо. И хреновину мне больше не городи!

Поняла, разговаривать бесполезно, одно хамство, того и гляди ее матом покроет. Повернулась и пошла, молча. И тут он крикнул вслед:

– Ладно, гони засранца ко мне!

Жена вышла, и Пупышов схватил телефон, набрал номер главного инженера. Не здороваясь, сразу начал приказывать:

– Слушай меня внимательно, надо сегодня же, кровь из носа, прямо сейчас, начать сносить эту долбаную фабрику! Понял-нет? Сегодня же освободить участок! Я всем мозги буду пудрить, уже снесли и вдруг какой-нибудь придурок приедет проверить. К вечеру чтобы пустая площадка была! Выгоняй туда все бульдозеры, работягам пообещай премии, пусть ишачат!

Бросил трубку на стол и только тогда заметил, Эдка уже пришел. Стоит глаза закрыты, на ушах наушники, на шее – плеер. И не просто стоит – пританцовывает. Смотреть на него, зло разбирает и в то же время смешно. Подошёл к сыну, постучал по голове.

– Можно? Что с тобой?

Эдка открыл глаза, выключил музыку

– Ничё, так слушаю... Типа звал?

– Опять матери грубишь? – пустой вопрос, сколько раз задавал, заранее знал, что ответит.

Так и получилось.

– Ты чё? У меня мамы нету. А эта твоя как бы Вика, пусть не пристаёт. Обалдеть – обнюхивать начала, в карман полезла. Ну я её и послал... Га-га-га! Быстро побёгла, как типа скипидаром жопу смазали.

Пупышов даже растерялся, что ему сказать?

– Больно ты весёлый... Через год в институт поступать, об этом помни.

– А на фига? Всё как бы время есть, потом и начну напрягаться.

– Пофигист ты, мать твою... – не выдержал Пал Палыч.

Эдке всё как с гуся вода.

– Твой институт мне вообще на хрен. И без него большое «бабло» типа рубят.

Отец рассердился, этого долдона ничем не пронять.

– Хрень городишь! А отсрочка от армии? Там тебя «деды» заставят зубной щёткой сортир чистить. Я так шибко умных учил, – Пупышов вспомнил и улыбнулся, да уж, было дело.

– Возьму автомат и всех кончу! Конкретно! – придурок всё свое нёс.

– Дурак ты, кто тебе его даст? Можно болезнь придумать.

– Какую ещё на фиг болезнь? – удивился Эдка.

– Энурез, от службы освободят запросто.

– Это чё? Как бы не понял.

– Ночное недержание мочи.

Он подпрыгнул на месте, завопил:

– В кровать типа ссать? Никогда! Кодла обожёт, девки станут пальцами показывать! Лучше как бы застрелюсь на хрен!

И тут Пупышову пришла в голову гениальная мысль: «сейчас тебя, заставлю учиться. Словами не пробить, включим материальный фактор».

– Хочешь машину? Заработай! Договоримся так – «пятерку» получишь, ключи от «тачки» в зубы.

– Типа шутишь? – Эдка недоверчиво глядел на отца.

– Точняк, не сомневайся.

– А какую? «Ауди» хочу.

Отец засмеялся, ишь, сопляк, чего придумал!

– «Лады» хватит, всё равно на хрен разобьёшь. Станешь своих девок катать да щупать.

– Га-га-га! – обрадовался Эдка. – На то они и девки. Ладно, типа договорились, гляди, без обмана.

Тут мобильник на столике зазвонил, Пупышов нехотя его взял.

– Слушаю. Кто? Какой Воробьёв? Вы ошиблись... А, сантехник, вспомнил. Чё надо, я занят. Пришёл уже? Ну, лады, поднимайся по-быстрому, – кинул трубку. – Откуда он мой номер узнал?

– Это я сказал, – Эдька направился к двери, остановился.

– Пташка снова у нас препод, пойду, не хочу его видеть. – Сказал и исчез.

Пупышов удивленно почесал затылок.

– Что за хрень. Новое дело, поп с гармошкой! Чего ему в сантехниках не сиделось... подошел к серванту, вытащил из бара бутылку коньяка, рюмки. Поставил все на столик, сел, как всегда, нога на ногу. Подумал: «Вовремя явился, сейчас тебя запрягу...»

2

Я вошёл, та же комната, всё по-старому. А что могло измениться, ведь был тут всего месяц назад. Банкир Пуп сидел в кресле, как на троне, и снова на столике стояли бутылка и рюмки.

– Добрый день, – сказал сразу, ведь здороваётся первым тот, кто умнее.

– Привет, садись, раз пришёл, – Пупышов кивнул на кресло, – давай выпьем за встречу.

Он налил коньяк – в обе рюмки, я это сразу заметил. Сел, сказал негромко

– Ну что же... Попробуем. Коньяк французский?

Пупышов самодовольно усмехнулся.

– А как же, другого не держим

– Прошлый раз его мне не предлагал...

– Тогда сантехник был, сейчас учитель, совсем другое кино, – он поднял рюмку, чокнулись, выпили, я даже пошутил:

– Чтобы твой унитаз никогда не ломался!

– Молодец, хороший тост! Запомню, где-нибудь скажу, – Пал Палыч снова наполнил рюмки, продолжал тихо, чуть ли не ласково.

– Деньги, знаю, получил, когда операция?

– Скоро, – ответил и начал о главном. – Я вот что пришёл, как бы отсрочку от выплат по кредиту получить, а то вся зарплата уходит. Помогите, пожалуйста.

Он глядел на меня насмешливо, как на дурачка.

– Чудик же ты, ей Богу. Договор ведь подписал, теперь заднего хода нету. Ты хоть читал его?

Вздыхнул уныло.

– Не всё, там было много текста очень мелкого.

– Ну и дурак! Самое главное, всегда мелко печатают.

– Нарочно, значит?

Пупышов снова заулыбался.

– А ты как думал? Это же бизнес, не обманешь – не продашь.

Молчал, не знал, что и сказать, а он продолжал:

– Ладно, не вешай нос. Отсрочку тебе организую, но и ты мне помоги.

Конечно, я сразу насторожился, началось. Ничего просто так, всё за деньги или ответную услугу. Ладно, поглядим, чего хочет,

– А именно?

– Будь репетитором у моего балбеса, заставь заниматься, и замануху ему устрой – побыстрее «пятёрку» поставь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.